

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА: РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОДА

А.А.Водяха

Волгоград, Россия

Summary: In this article we consider different cases of realization of the emotional picture in language and speech by lexical means. Sometimes only context can help to determine the emotional meaning, and only context can determine the functional peculiarities of a word in emotional encirclement.

В языкознании принято понимать эмоции как одну из форм отражения мира; «эмоции отражают не предметы и явления реального мира, а отношения, в которых они находятся к человеку, то есть не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека» [Колшанский 1975: 27]. Исходя из вышесказанного, эмотивные компоненты словесной семантики можно рассматривать как «специфический (эмоциональный) способ указания на мир через специализированную (эмотивную) лексику и ее семантику (эмотивную)» [Шаховский 1987: 13].

Язык располагает большим арсеналом средств, способных выражать эмоции: соответствующая лексика, фразеологизированные синтаксические конструкции, определенный порядок слов в предложении. Однако особая роль в реализации эмоциональной картины мира принадлежит, безусловно, лексике. Находя свое отражение в языке, эмоции могут эксплицироваться на его различных уровнях, и здесь необходимо обратить внимание на такие понятия, как адгерентная и ингерентная эмотивность.

Проблема отношения эмоционального и рационального в слове рассматривается в работах В.И.Шаховского. Выделенные автором три типа эмотивности слова (собственно эмотивность, эмотивность как одна из реализаций семантики слова, контекстуальная эмотивность) соотносятся с тремя уровнями выражения эмотивности. Первый уровень представлен эмотивным значением, которое является ядерным, основным компонентом семантики слова. Второй уровень эмотивности представлен коннотацией как компонентом значения слова, такая эмотивность может и не быть реализованной в различных употреблении слова. И, наконец, третий уровень – уровень эмотивного потенциала. Такой потенциал, будучи только потенциалом, ничего не меняет в семантике слова, но когда он реализуется в тексте, то выявляет скрытую коннотацию слова. На наш взгляд, первый из означенных выше уровней выражения эмотивности может быть соотнесен с языковой системой, а два последних – с речевой, поскольку их реализация зависит от контекста, в котором слово функционирует.

Та же проблема соотношения эмоционального и рационального в слове анализируется и Я.Зимой. Ярослав Зима, говоря о проблеме экспрессивности слова (под экспрессивностью он понимает личностное эмоциональное отношение говорящего к описываемой действительности), выде-

ляет три типа экспрессивности. К первому типу (ингерентная экспрессивность) относится лексика, экспрессивность которой понятна вне контекста. Ко второму (адгерентному) относятся слова, экспрессивный характер которых выявляется за счет изменения основного значения, то есть приносится в семантику слова. К третьему типу Зима отнес лексику, экспрессивность которой определяет целиком и полностью контекст. Первые два Я.Зима включил в систему языка, так как они представляют собой лексикализированную экспрессивность, а третий относит к стилистическому уровню.

Не вдаваясь в подробности анализа такого подразделения эмотивно-экспрессивной лексики, отметим лишь одно важное обстоятельство: ингерентная, т.е. языковая экспрессивность выделяется на основе такого объективного критерия, как коллективно обобщенное и коллективно осознанное значение эмоционально окрашенных слов, имеющих статус узуса. В семантической структуре языковых единиц, выражающих эмоции, есть семантическая доля в виде семантического признака, семы, и благодаря этому признаку данная единица может адекватно пониматься и употребляться всеми носителями языка для выражения своего эмоционального состояния. К подобного рода лексике мы отнесем, прежде всего, лексику ласкания и обзывания, различные адресативы, бранную лексику. Эмоциональное значение этих единиц является единственным компонентом их лексического значения и может быть приравнено к денотативному. К такого рода лексемам относят, например, следующие слова: *жулик*, *мерзавец*, *пройдоха*. Стоящие в начале высказывания аффективы сразу же демонстрируют отношение адресанта к описываемому факту, а также задают тон всему высказыванию, сигнализируют о предстоящей модели речевого взаимодействия, устанавливают определенный тип отношений. Приведенному ниже примеру, взятому из повести М.Булгакова «Роковые яйца», предшествует ситуация, в которой описывается реакция известного профессора-биолога Персикова на желание властей инспектировать и направлять его работу. Официальный представитель власти, в силу своего невежества, не верит в невозможность предлагаемого эксперимента.

– *Мерзавец*, – произнес Персиков, обращаясь к механическому человеку. – Как вам это нравится?

– *Сам мерзавец!* *Жулик*, а еще ученый человек [Булгаков 1988: 152].

Как видим, отрицательная эмоция, реализованная в начале диалогического речевого акта и представленная в нем аффективом, настолько сильна, что вызывает агрессивную эмоциональную ответную реакцию в форме наступления. Речевое поведение будет другим в том случае, если адресат попытается применить не наступательную, а оборонительную тактику, отрицая компоненты обвинения и переключая внимание с себя на собеседника.

В следующем приведенном примере из повести М.Булгакова «Собачье сердце» негативную эмоцию, возникшую в начале диалогического речевого акта, адресат стремится свести к нулю, не дать развиться, при этом отрицая компоненты предшествующей эмоциональной реплики.

– *Вон, беспризорный карманник*, – *завопила* Дарья Петровна.

– *Чего ты? Ну, чего ты лаешься?* – умильно щурит глаза пес. – *Какой же я карманник?* Ошейник разве не замечаете? – И он боком лез в дверь, просовывая в нее морду [Булгаков 1988: 232].

Продуктивными языковыми средствами выражения эмоций являются инвективные вокативы, которые можно рассматривать как разновидность аффективной лексики и к которым относятся некоторые способы эмоционального обращения друг к другу, прежде всего бранные, оскорбительные, нецензурные. Термин «инвектива» в смысле «оскорбительная речь, выпад против кого-либо» здесь употребляется несколько в ином смысле, чем это обычно делается. Сюда относят все способы вербальной агрессии, в том числе направленные и на самого говорящего, а также усилители выразительности речи: сниженную лексику, вульгарные слова, гневные восклицания, обращенные в пространство.

– *Черт*, – Персиков бросил на зеленое сукно лупу и какие-то диаграммы и сказал Марье Степановне:

– Позовите его сюда, в кабинет, этого самого уполномоченного, *черт бы его взял* [Булгаков 1988: 156].

Гневным восклицанием, обращенным в пространство, по сути дела ни к кому, профессор Персиков выражает свою реакцию на несвоевременное посещение представителя власти, дает выход своим эмоциям, «выпускает пар».

Одной из характерных особенностей значительной части инвективного словаря является оценочная амбивалентность. Разумеется, эмотивное значение словарной лексемы представляет собой обобщенное отражение определенной эмоции; каждый индивид варьирует типизированную эмоцию, подгоняя ее под то или иное слово – условный знак этой эмоции – в зависимости от своего индивидуального, но в пределах социального опыта. При этом, однако, надо учитывать, что одна и та же лексема способна выражать и противоположные эмоции. Значимость слов определяется не только общепринятым словарным значением. В результате смены контекста оценочный характер вокатива может измениться самым решительным образом. Причем нередко в одном инвективном вокативе могут сохраняться противоположные оценочные знаки. Ярким примером, подтверждающим это утверждение, является употребление бранной лексики в ласкательных целях и, наоборот, ласкательной лексики – с целью осуждения. Например:

– *Жулик!* – сердито крикнул старик и угрожающе взмахнул палкой. – *Пройдоха, но башковитый субъект!* Тут поучиться бы у него, как он все устроил. Одно удовольствие! *Жулик!* [Паустовский 1966: 31].

Эмотив в пределах одного и того же высказывания меняет свой оценочный знак, и если в начале высказывания он эксплицирует эмоцию недовольствия, осуждения, то в конце он является выразителем эмоции восхищения и одобрения.

Общепризнанным средством выражения эмоций являются и междометия, некоторые из них всегда эксплицируют совершенно определенные волеизъявления или эмоции. Например, нельзя междометие *фи* употреблять при выражении радости, удивления или страха, а можно лишь для

выражения отвращения. Или, например, междометие *уввы* никогда не употребляется для изъявления радости, а указывает на наличие у говорящего эмоций неудовольствия, досады, сожаления.

– *Увы!* – крикнул старик, но было уже поздно. Огромная щука подскочила и тяжело шлепнулась в воду. А тут еще в стороне Ленька приплясывал от радости. – *Ах*, какую рыбу упустил! – сокрушался старик [Паустовский 1966: 145].

Но вместе с тем многие междометия обладают эмотивной амбивалентностью, то есть способностью выражать эмоции с противоположными знаками. Например, междометие *ах* вместе с другими индикаторами эмоций дает нам понять, что говорящим владеет эмоция восхищения.

– *Ах*, до чего все-таки американцы народ острый! Сколько удивительных открытий, сколько великих изобретений они сделали! Пар, безопасные бритвы «Жиллет», вращение Земли вокруг своей оси – все это открыто и придумано американцами и отчасти англичанами.

– А теперь извольте: снова осчастливлено человечество – придумали американцы особую машину – диктофон. Что за народ! [Зощенко 1981: 81].

Как видно из другого примера, говорящим владеет эмоция ужаса, страха, так как он подозревает, что заболел страшной, неизлечимой болезнью:

– *Ах*, этот вечер! Я несчастлив. Ведь был же со мной и Шейер, а ведь он здоров, он не заразился, потому что он счастливый человек... Мне двадцать четыре года, и я бы мог... Пройдет пятнадцать лет, может быть, меньше, и вот разные зрачки, гнущиеся ноги, потом безумные, идиотские речи, а потом – и гнилой мокрый труп...

– *Ах-а-ах*, – стиснув зубы, застонал больной [Булгаков 1988: 130].

Не менее сложен и разнообразен круг значений междометия *эх*. Введенное в контекст высказывания, оно может выражать и отчаяние:

– *Эх*, беда, беда! – говорил Тихонов и затирал сапогами лужи, натекшие с шинели на пол. Его замерзшая шинель стучала, как деревянная. – Не уйти ему, снега много. Беда! [Паустовский 1966: 159],

и укор:

– Господи! Людей будем сажать в трюмы. – Лицо капитана налилось сизой кровью. – В воду, в трюмы. Живой груз повезем, как быков на убой. *Эх, вы...*

Он хотел еще что-то добавить, но осекся [Паустовский 1966: 36],

и страстное желание, тоску:

Вахтенный взглянул на корму, где хлопал мокрый трехцветный флаг, и вздохнул:

– *Эх*, если бы все вышло так, как задумано: удрать от денкинцев, от эвакуации! Капитан пропал, засыплемся мы из-за этого. *Эх!* – пробормотал он и вышел на палубу [Паустовский 1966: 34],

и восхищение:

Лицо вошедшего было волевое, строгое, но неожиданно он улыбнулся широкой, расточительной улыбкой, и все заулыбались в ответ:

– Эх, какие бузотеры! – и капитан обвел глазами всю палату. – Давайте знакомиться. Давно таких ребят не видел. Молодцы! [Лакшин 1989: 91].

Бросается в глаза эмоциональная неустойчивость, смысловая диффузность междометий. Они легко подхватываются эмоциональной волной аффективной речи, и значения их изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания.

К лексическим средствам выражения эмоций в языке и речи можно отнести и частицы. Особенно интересной для нас может быть группа усилительно-ограничительных или выделительных частиц. Эти частицы находятся по большей части непосредственно перед тем словом, которое они выделяют, или сразу позади него, а иногда относятся ко всему высказыванию. Они играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слов или высказывания в целом. Стоя в начале вопросительного предложения, *и* усилительное способствует увеличению выразительности, делает более выпуклой эмоциональность всего высказывания.

В следующем отрывке, приведенном из повести М.Булгакова «Роковые яйца», профессор Персиков выражает неудовольствие по поводу поведения официального уполномоченного, обличенного властью:

– *И* какая развязность, – расстраивал сам себя Персиков, – бойкость какая-то! Заметьте, что этого прохвоста мне же поручили инструктировать. – Персиков указал на бумагу, доставленную Рокком...

– *И* как я буду его, этого невежду, инструктировать, когда я сам по этому поводу ничего сказать не могу [Булгаков 1988: 178].

Усилительная частица, стоящая в начале и конце высказывания, наряду с другими средствами выражения эмоций подчеркивает общий эмоциональный настрой.

Модальные частицы *неужели*, *ужели* выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов, но, кроме того, они способны выразить эмоции, владеющие говорящим. Персонаж повести Б.Пильняка высказывает возмущение по поводу поведения своего работника:

– *Неужели* весь день пролежал? За это время можно было весь хлев вычистить. *И* угораздило меня нанять тебя [Пильняк 1979: 167]. Модальная частица выражает отрицательную эмоцию, а частица *и* усиливает выражение досады, возмущения.

Частицы, на наш взгляд, обладают не меньшей эмоциональной диффузностью, чем междометия. Одна и та же частица может выражать противоположные эмоции: и возмущение, гнев, и восхищение, радость:

– *Неужели* ты посмел скрыть наше решение от товарищей? Как же мы теперь будем все объяснять? [Лакшин 1989: 114];

– *Неужели* все съел? Это хорошо, выздоравливаешь. Дела на поправку пошли, значит. Все хорошо будет [Лакшин 1989: 204].

В обоих примерах при использовании одной частицы для выражения противоположных по знаку эмоций именно контекст декодирует эмоциональное значение, которое несет частица.

Многие исследователи отмечают, что эмотивное значение слова в речи является не менее важным, а иногда и более значительным, чем денота-

тивное. Оказиональное употребление слов имеет первостепенное значение в языке художественного произведения и в нашей письменной речи, где для выражения эмоций нет других средств, кроме слова и структуры слова. Очевидно, один из путей выявления окказиональной эмотивности – изучение лексических связей в контексте. В условиях необычной речевой ситуации возникают так называемые окказиональные эмотивные семы, которые не входят в системное общеязыковое значение слова, а вносятся конкретным контекстом или ситуацией. Они противостоят узуальным или общеязыковым. Такие окказиональные семы могут быть порождены индивидуальными знаниями, вкусами, пристрастиями отдельных людей. Оказиональная эмотивность может возникать там, где ее раньше не было. Так, в приведенном примере нейтральное слово, не являющееся языковым эмотивом, приобретает несвойственную ему негативную окрашенность и показывает, как говорящий относится к описываемому факту:

Самым его любимым словом было «*кабаре*».

– Это же *кабаре*! – говорил он, если видел что-нибудь нелепое или непонятное. – Ну, зачем ты пришел? Я же тебе велел завтра придти. Чистое *кабаре*, накажи меня Бог! [Паустовский 1966: 195].

В следующем примере наряду с лексическими языковыми эмотивами, бранной лексикой используется имя собственное, которое в устах булгаковского персонажа приобретает отрицательную эмоциональную окраску:

– Чтоб ему понабежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырью с копну величиной!.. Ведь ежели узнают, что я Чичиков, натурально, в два счета, выкинут к чертовой матери! Да еще хорошо, как выкинут, а то еще, храни Бог, на Лубянке насидишься! А все *Гоголь*, чтоб ни ему, ни его родне [Булгаков 1988: 24].

Иногда не отдельные слова, а целые фразы приобретают окказиональные эмотивные семы. Подобные случаи должны были бы рассматриваться как синтаксические средства передачи эмоций в тексте, однако мы все же рискуем отнести их к лексическим, так как такие фразы начинают выступать как единое целое, указывая на наличие сильной эмоции в высказывании.

Приведем два примера из повести М.Булгакова «Собачье сердце».

В первом случае рассказывается о том, какое возмущение испытывал профессор Филипп Филиппович Преображенский, читая в газете клеветническую заметку о себе:

Филипп Филиппович склонился над столом, погрузился в развернутый громадный лист газеты. Молнии коверкали его лицо:

– Черт! Что за нелепица! Наверняка Швондер насочинял. Зачем ему это?

Он читал заметку... Дочитав, он машинально и со злостью запел:

– *Све-е-етит месяц... све-е-етит месяц... светит месяц...* Черт! Окаянный управдом [Булгаков 1988: 250].

Фраза «*Светит месяц*» приобретает окказиональную эмотивную сему и вместе с бранной лексикой эксплицирует возмущение профессора.

В другом случае тот же Филипп Филиппович, наоборот, выражает свою признательность, свое восхищение доктору Борменталю:

– Да, голубчик вы мой!.. – растерянно пробормотал Филипп Филиппович и поднялся навстречу, Борменталь его обнял и поцеловал его в пушистые, сильно прокуренные усы.

– Так растрогали, так растрогали... Спасибо вам, – говорил Филипп Филиппович. – Голубчик, я иногда ору на вас на операциях. Уж вы простите стариковскую вспльчивость. В сущности, ведь я так одинок... *От Севильи до Гренады...* Голубчик вы мой! [Булгаков 1988: 269].

Окружающий контекст наводит эмотивную сему на фразу «*От Севильи до Гренады*», и она начинает выражать восхищение профессора своим помощником.

Последняя фраза, представляющая собой отрывок из серенады, вообще характерна для героя Булгакова, ею он сигнализирует о наличии самых разноплановых эмоций, она может, например, выражать эмоцию страха:

Бенефис Шарикова, обещанный доктором Борменталем, не состоялся, однако, на следующее утро по той причине, что Полиграф Полиграфович исчез из дома, Борменталь пришел в яростное отчаяние, обругал себя ослом за то, что не спрятал ключ от парадной двери, кричал, что это непротститительно, и кончил пожеланием, чтобы Шариков попал под автобус.

Филипп Филиппович сидел в кабинете, запустил пальцы в волосы, и говорил:

– Боже мой! Воображаю, что сейчас творится на улице... Воображаю... *От Севильи до Гренады, Боже мой!* [Булгаков 1988: 279].

Той же стихотворной строчкой выражается и возмущение:

Филипп Филиппович горестно указал обеими руками на оконную штору, очевидно, намекая на Москву. – Но только имейте в виду, Иван Арнольдович, что единственным результатом этого открытия будет то, что все мы будем теперь иметь этого Шарикова вот где – здесь, – Преображенский похлопал себя по крутой... шее, – будьте спокойны! Если бы кто-нибудь, – сладострастно продолжал Филипп Филиппович, – разложил меня здесь и выпорол, я бы, клянусь, заплатил червонцев пять! *От Севильи до Гренады...* Черт меня возьми!.. [Булгаков 1988: 275].

Как видим, слова или целые словосочетания, не являясь кодированными эмотивами, но получив сему эмоциональности, приобретают способность выражать эмоциональную реакцию субъекта речи на то или иное явление действительности. В этом случае только контекст, конкретная ситуация дает возможность определить, в каком месте шкалы мы находимся: положительное, нейтральное или отрицательное значение распределено в данной точке.

Подводя итог сказанному выше и рассмотрев приведенные примеры, мы вправе сделать вывод о том, что в языке существуют слова, все лексическое значение которых сводится к эмоциональному; слова, в лексическом значении которых отношение говорящего к обозначаемому объекту (в частности, эмоционально-оценочное) соседствует с непустыми денотативным и сигнификативным слоями; и слова, получающие определенный эмоциональный заряд в результате употребления в данном контексте. Эмотивный код существует в голове человека в виде соответствующих понятий независимо от контекста, но лишь контекст порой помогает уста-

А.А.Водяха

новить, какое из значений имеется в виду в данный момент, и именно контекст помогает установить особенности функционирования слова в эмоциональном окружении.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгаков 1988 – *Булгаков М.* Сатиры. Ростов-на-Дону, 1988.
Зощенко 1981 – *Зощенко М.* Избранное. М., 1981.
Колшанский 1975 – *Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
Лакшин 1989 – *Лакшин В.* Закон палаты. М., 1989.
Паустовский 1966 – *Паустовский К.* Повести. Рассказы. М., 1966.
Пильняк 1979 – *Пильняк Б.* Избранные произведения. Л., 1979.
Шаховский 1987 – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987.